

О.Б. Степанова

**СЕЛЬКУПЫ СЕГОДНЯ:
ПО ИТОГАМ ЭКСПЕДИЦИИ В ПУРОВСКИЙ РАЙОН
ТЮМЕНСКОЙ ОБЛАСТИ ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО
АВТОНОМНОГО ОКРУГА 2013 г.**

Экспедиционная поездка в Пуровский район Ямало-Ненецкого автономного округа осуществлялась в рамках долгосрочной целевой программы администрации ЯНАО под названием «Культура Ямала» (2011–2015 гг.) и включенного в нее проекта «Золотой фонд народной культуры Ямала», определившего вектором полевой работы сбор наиболее ценных образцов народного творчества и создание каталога объектов нематериального культурного наследия народов Ямала.

Как и предыдущая поездка, проведенная в рамках названного проекта в Красноселькупском районе ЯНАО в 2012 г., экспедиция 2013 г. была посвящена изучению традиционной культуры селькупов — одного из коренных малочисленных народов Ямало-Ненецкого автономного округа.

Экспедиция 2013 г. была подготовлена сотрудниками Окружного центра национальных культур (ОЦНК) г. Салехарда. В состав экспедиционной группы вошли три специалиста из разных учреждений: Н.В. Назарукова и А.С. Кулиш — специалисты ОЦНК и О.Б. Степанова, автор данной публикации, представлявшая отдел Сибири МАЭ РАН (Санкт-Петербург).

По первоначальному плану местом работы экспедиции должны были стать административный центр Пуровского района — город Тарко-Сале и маленькое село Толька Пуровская, в которых, как нам было заранее известно, компактно проживает значительное селькупское население. Однако из-за сложной транспортной схемы — отсутствия рейсового вертолета и сезонного обмеления водных путей — нашей группе не удалось достичь Тольки. К сожалению, такие ситуации в экспедиционной работе происходят нередко и являются скорее нормой, чем исключением. В г. Тарко-Сале мы плодотворно поработали, но наши попытки заменить поездку в с. Толька выездом в любой другой населенный пункт, где живут селькупы, или в любое кочевое селькупское хозяйство снова постигла неудача: нас дезориентировали утверждением, что таковых в Пуровском районе нет.

Позже из двух источников нами были получены статистические сведения по численности селькупского населения в Пуровском районе, которые

указывали на обратное: селькупы компактно проживают и в других населенных пунктах Пуровского района. По данным, полученным в отделе государственной статистики в г. Тарко-Сале, на 01.01.2012 г. в сельских поселениях Пуровского района (то есть без г. Тарко-Сале) было селькупов: в селе Халясавэй — 92 человека, в деревне Харампур — 78 человек, в селе Толька — 78 человек, в поселке Пуровск — 2 человека. По сведениям, предоставленным Управлением по делам малочисленных народов Севера администрации МО «Пуровский район», на 01.01.2013 г. в Пуровском районе ЯНАО проживало 495 селькупов, из них 281 человек — в районном центре г. Тарко-Сале, 74 — в селе Толька, 98 — в селе Халясавэй, 34 — в деревне Харампур и 8 — в поселке Пуровск.

Но и в этих статистических сведениях нами были обнаружены несоответствия. Первое: мы проездом оказались в д. Харампур, в гостях у Риты Петровны Алагуловой (Куниной), с 1985 г. возглавляющей харампуровскую сельскую библиотеку, она в разговоре обмолвилась, что в Харампуре является единственной селькупкой. Где же тогда проживают 78 (34) харампуровских селькупа? В лесу, с припиской к Харампуру? Но почему-то, когда мы искали, в какие селькупские кочевые хозяйства можно съездить, никто из наших информантов нам про этих селькупов ничего не сказал. Второе: согласно данной статистике, за год численность селькупов в маленьком Харампуре (с населением чуть более 500 жителей) уменьшилась на 44 человека, что очень неправдоподобно и заставляет усомниться в точности полученной информации.

Когда с помощью таркосалинского Центра национальных культур, чьи специалисты хорошо знают всех селькупов Пуровского района, разрабатывался маршрут экспедиции, нам никто не сказал не только про харампуровских селькупов, но и про 90 с лишним селькупов с. Халясавэй. Сведения по численности селькупов Пуровского района были получены нами поздно, не сразу по приезду в район, поэтому переориентироваться и съездить в село Халясавэй, куда еженедельно летает рейсовый вертолет, нам уже не позволили сроки и смета экспедиции.

Вместо поездки в с. Толька Управление культуры администрации Пуровского района организовало нам выезд на стойбище Хадутей, где проживает семья Агичевых — лесных ненцев с селькупскими корнями. Посещение же селькупов Халясавэя и Тольки, а также поиск харампуровских селькупов нам пришлось отложить до лучших времен.

Если с исполнением маршрута экспедиции нас преследовали неудачи, то ее результаты оказались вполне удовлетворительными.

В Тарко-Сале нам удалось собрать значительную информацию по селу Толька. Многие из наших тарко-салинских информантов оказались родом из этого села, а во Временном приюте для коренных малочисленных народов

Севера¹ при МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения Пуровского района», куда нас поселили, мы познакомимся с нынешними жителями Тольки, ожидающими «пенсионного» вертолета для возвращения домой. Толькинские, как, впрочем, и все селькупы Пуровского района, относятся к группе тазовских селькупов, проживающих в основном в Красноселькупском районе ЯНАО.

Село Толька расположено в самых верховьях р. Толька, почти на границе Пуровского и Красноселькупского районов, в «углу», удаленном от всех дорог. Толька Пуровская — место исконного проживания селькупов, в отличие от других населенных пунктов Пуровского района, куда селькупы начали переселяться сравнительно недавно — с приходом советской власти и появлением поселков. Самая распространенная фамилия толькинских селькупов — Кунины. Некоторые из информантов считают, что эта фамилия хантыйского происхождения, поскольку с запада и юга соседи толькинцев — ханты, с которыми селькупы данной местности имели давние брачно-родственные связи. Здесь, в верховьях р. Тольки, жил когда-то самый известный на сегодня в селькупской среде человек — Ефим Кунин. В.Н. Скалон в статье «В тундре верхнего Таза», называя богачей и середняков-«эксплуататоров» (в конце 1920-х годов — кулаков) верховьев Таза, пишет: «Самый богатый человек в районе Ваха, Таза и Верхнего Пура — Ефим Кунин (Шатин, Шата, Сайгта) — с вершины р. Тольки — по официальным данным, имеет 800 оленей, но цифра эта сильно преуменьшена, он и сам не знает количества своих оленей; имеет много золота, значительный фонд пушнины и товаров, держит работников, устраивает свою ярмарку, все кругом ему должны, он не занимается выжиманием последних соков, пользуется большим влиянием и авторитетом, является родовым благодетелем» [Скалон 1930: 136–138]. В статье «Магнаты Севера» В.Н. Скалон указывает другую цифру оленей Ефима Кунина — пять тысяч, «а может быть, и больше, кто их считал» [Скалон 1929: 58–61].

Сегодняшние информанты часто упоминают о ненайденном зарытом кладе с богатствами Ефима Кунина или, наоборот, рассказывают истории о том, что, когда пришла советская власть, Кунин раздал всех своих оленей и все иму-

¹ Временный приют для коренных малочисленных народов Севера при МБУ «Комплексный центр социального обслуживания населения Пуровского района» действительно бесплатно помогает (предоставляет временный кров) всем жителям района, безотносительно национальности, оказавшимся в сложной жизненной ситуации. Приют представляет собой «отсек» из нескольких комнат (со всеми удобствами) и холла с креслами и телевизором в современном четырехэтажном здании Комплексного центра социального обслуживания (выполняет функции санаторного учреждения для пенсионеров, инвалидов, детей-инвалидов), который в городе называют «пансионатом».

шество своей многочисленной родне или же отпустил всех оленей в лес, чтобы ничего не досталось советской власти. К слову, когда мы в 2012 г. были в селе Толька Красноселькупского района, преподаватели школы-интерната познакомили нас с проектом «Знаменитые люди родного края», по которому вместе с детьми ведут поисковую работу. Главным историческим лицом в этом проекте оказался Ефим Кунин. Интересно также, что большинство наших информантов, точнее информанток с девичьей фамилией Кунина, рассказывая нам легенды о Ефиме Кунине, не знали, в родстве ли они с ним.

В сегодняшней Тольке числится 31 хозяйство и 101 житель. Почти все они считаются кочевыми и ведущими традиционный образ жизни, половина из них, со слов информантов, постоянно или временно проживает на лесных угодьях. Однако оленей в современной Тольке, как это ни странно звучит после упоминаний об оленьих богатствах Ефима Кунина, почти нет. Держит оленей всего одна семья. «В день оленевода одна семья на оленях кагається, а мы на них смотрим. Поселок вымирает. Почти все из-за водки умерли. Работы нет, только охота и рыбалка. Поселок очень бедный. Поддержки нет, пекарни нет, школы нет, когда-то была начальная, но давно закрыли. Рыбаки мало получают — по 50–60 тыс. руб. за путину. Глава общины обогащается, до нас ему дела нет. ФАП есть. Магазин есть, но пустой и дорогой очень. Покупают (обменивают) газолин (бензин низкого качества. — *О.С.*) и водку за рыбу, мясо и ягоды. Сахар по 1 кг в руки дают и дрожжи по одной пачке — чтобы бражку не ставили. Водку запрещено продавать, а ее продают из-под прилавка. Глава поселка только пенсионерами занимается, а больше ничего не делает. Участкового милиционера в поселке нет. Клуба нет. Построили “общежитие для холостяков”, где есть спортзал, и в этом году появилась библиотека. Есть новая двухэтажная администрация с гостиницей для приезжих. Дома новые строят, но без удобств — туалет на улице, отопление печное, дрова сами заготавливаем. Газа нет, дизель есть, но на лето отключают. Вертолет — один раз в месяц — “пенсионный”. Мы сами калданки (лодки. — *О.С.*) из жестянки делаем, зимой на старых буранах ездим. Есть в поселке два подержанных автомобиля. Зимой рядом с поселком зимник проходит до Ноябрьска. Старые бабки в Тольке поют, сказки знают. Молодежь язык знает. Дети из села в интернате в Тарко-Сале учатся. Леспромхоза в Тольке никогда не было. Тугунок идет с конца августа до конца сентября, раньше его было больше. Это царская белая рыба, маленькая, 10–15 см в длину, на него закупочная цена 300 руб. за килограмм. В этом году всего 300 кг добыли. Раньше мы рыбу по 100–200 кг в день в банки укладывали. В этом году обрабатывать тугунка приехали студентки, местных никого не взяли. Теперь экология плохая стала, климат изменился, поэтому мошки меньше стало, рыбы, грибов, ягод — всего меньше. Это из-за буровых» [ПМА 2013].

Вот такую, на первый взгляд мрачноватую, картину поселковой жизни нарисовала нам жительница Тольки Марина Алексеевна Кунина. Но если из ее

рассказа убрать субъективные оценки, все окажется не так уж и плохо. Проблема обеспечения коренного населения работой решается во всем округе путем учреждения национальных общин, которые являются сельскохозяйственными предприятиями и поддерживаются, а также финансируются окружными программами по сохранению традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера. В Тольке есть вполне жизнеспособная сельскохозяйственная община «Ича», с неплохой недавно созданной материальной базой — факторией Быстринка, оснащенной всем необходимым для приема продукции промыслов и отдыха рыбаков-охотников. Ощущение недофинансирования («недодавания» и разворовывания) у коренного населения будет присутствовать всегда, поскольку цель программ или общин — не обеспечить безработным коренным жителям полный пансион (что сказалось бы на них самым пагубным образом), а побудить их зарабатывать на жизнь тем, что они умеют делать, оказывая им при этом помощь и поддержку. Элемент плохой организации работы действующей в Тольке общины, несомненно, тоже присутствует, но вряд ли во всем виноват глава общины, ведь низкие закупочные цены на продукцию промыслов устанавливает не он — механизм формирования закупочных и рыночных цен в каждом регионе очень сложный, зависящий от множества факторов. Аналогичные жалобы мы выслушивали от селькупов Красноселькупской Тольки и фактории Кикки Акки во время экспедиции 2012 г. [ПМА // Ф. К-1. Оп. 2. № 2123]. Очевидно, что встраивание дотационных сельхозпредприятий в рыночную экономику происходит во всем округе по одной и той же (уникальной в масштабах страны) схеме, которую, как и любую новую модель/технику/машину, нужно обкатывать и совершенствовать, устраняя выходящие наружу недочеты. Не стоит забывать и о территориальных особенностях промысловых угодий — село Толька, к примеру, расположено вдали от автодорог, водные пути туда в августе–сентябре пересыхают, а это значит, что вывоз продукции промыслов происходит труднее и обходится много дороже, чем в других районах.

Положительные моменты в рассказе жительницы Тольки мне также видятся в том, что в селе обновляется жилой фонд (новое жилье предоставляется коренным жителям района бесплатно!), проводится любимый всеми праздник День оленевода, что в магазине все-таки запрещено продавать водку и, главное, что сохраняется язык и устная фольклорная традиция. Такие «медвежьи углы» для этнографа — подарок судьбы.

От другой информантки мы узнали, что в Тольке в 1970–1990-х годах на похоронах, как правило, присутствовал шаман. Шаман «борется с умершим и не дает ему увести с собой души близких живых родственников». В этом обряде участвуют также двое молодых мужчин, они держат и поднимают шамана, когда тот падает, теряя силы в тяжелой борьбе. У бывших и нынешних жителей села нами был записан ряд фольклорных текстов, в том числе не-

сколько бытовых и биографических рассказов. Конечно, попади мы в Тольку и ее окрестности, объем собранного материала был бы совсем другим, в нашей же ситуации — это только общие сведения.

Второй населенный пункт, намеченный нами для работы, — административный центр Пуровского района город Тарко-Сале — представляет собой полную противоположность Тольке. Автодороги, аэропорт, железная дорога (в близлежащем поселке Пурпе), учреждения образования, культуры, медучреждения, офисы нефтегазодобывающих компаний, магазины, рынок, гостиницы и пр. — в Тарко-Сале есть все, чему положено быть в городе — районном центре. Бросаются в глаза большое количество новых капитальных зданий (жилых домов и учреждений), построенных в самом современном архитектурном стиле, и строящиеся новые микрорайоны. Когда узнаешь, что в Пуровском районе добывается 45 % газа от всего объема добычи на Ямале, масштабы строительства уже не удивляют.

Численность населения в Тарко-Сале на 1 января 2013 г. составляла 20 тыс. человек, из них 1643 — представители коренных малочисленных народов Севера, в подавляющем большинстве это лесные ненцы. 280 селькупов, проживающие здесь, — вполне городские жители, выезжают в лес, как и все остальные горожане, на день-два — на рыбалку, за ягодами, иногда даже на охоту, но ни их образ жизни, ни их хозяйство традиционными не назовешь.

Нельзя сказать, что селькупы растворились или потерялись в общей массе населения Тарко-Сале. Они держат друг друга в поле зрения, помнят и ценят даже самое отдаленное родство, особо связаны с теми, с кем учились или вместе жили на «малой родине» и впоследствии встретились в Тарко-Сале, — как оказалось, все наши таркосалинские информанты являются довольно поздними переселенцами из сел с исконно селькупским населением. Когда мы интересовались у информантов, где работают селькупы, проживающие в Тарко-Сале, нам отвечали, что женщины — в сфере образования: педагогами (в том числе преподавателями родного языка), воспитателями в интернате, детских садах, в сфере культуры (в Центре национальных культур, Краеведческом музее, Детской школе искусств), в медицинской сфере и сфере обслуживания: работниками столовых, уборщицами и пр. Некоторые занимаются художественными промыслами. Мужчины работают преимущественно в сфере обслуживания: сторожами, дворниками, грузчиками, водителями, знакомый одного из наших информантов работает на буровой. И никто из информантов не вспомнил о знакомых селькупах, работающих на предприятиях агропромышленного комплекса, базирующихся в Тарко-Сале. Эти предприятия — ООО «Совхоз Верхне-Пуровский» и рыбоперерабатывающий завод ООО «Пур-рыба».

Согласно информации, взятой с официального сайта Администрации Пуровского района, 80 % работающих на восьми предприятиях агропромышленного комплекса района — представители коренных малочисленных народов

Севера [Развитие АПК...]. На уточняющий вопрос, работают ли таркосалинские селькупы на этих предприятиях, информанты с заминкой давали односложный утвердительный ответ, который можно понимать так: «Таких людей я не знаю, но, по логике вещей, они там должны быть». Думается, что если даже там и работают селькупы, то они не связаны с традиционными видами деятельности.

Основные виды деятельности ООО «Совхоз Верхне-Пуровский» — оленеводство, свиноводство и переработка мяса, дополнительные — звероводство, производство пушно-меховой и сувенирной продукции, рыбодобыча, сбор дикорастущих, растениеводство; вид деятельности рыбоперерабатывающего завода ООО «Пур-рыба» — переработка рыбы. Из интересующих нас **основных и традиционных** видов деятельности на сельхозпредприятиях г. Тарко-Сале присутствует только оленеводство.

Природные условия северной и центральной частей Пуровского района позволяют заниматься крупностадным оленеводством. Совхозное оленеводство в этих широтах Западной Сибири с 60-х годов прошлого века (когда было проведено укрупнение северных совхозов и они стали ощутимо поддерживаться государством) было крупностадным, то есть каждое стадо насчитывало не менее 1 тыс. голов [Степанова 2005]. В ООО «Совхоз Верхне-Пуровский» (совхоз учрежден 1 января 1945 г.) сегодня содержится около 8 тыс. голов оленей [Развитие АПК...]. Официальных данных о количестве стад этого сельхозпредприятия мне найти не удалось, но, со слов информантов и по логике вещей, это крупные стада. Сегодняшние селькупы окарауливать крупные стада не умеют — раньше умели, но традиция прервалась в 1990-е годы [Степанова 2013: 11]. Значит, пастухами в ООО «Совхоз Верхне-Пуровский» работают точно не селькупы, и селькупов-оленоводоов, выезжающих «вахтовым» методом в тундры, в Тарко-Сале нет.

Что касается рыбодобычи, то она в ООО «Совхоз Верхне-Пуровский» — не основной вид деятельности, поэтому рыбаков здесь, скорее всего, немного. И сколько среди них может быть селькупов?

У таркосалинских селькупов преобладают этнически смешанные семьи. Молодежь не знает селькупского языка. Старшее поколение знает язык, но при редком использовании — дома и на работе говорить по-селькупски не с кем — он забывается. Лучше обстоят дела со знанием родного языка у детей лесных селькупов, обучающихся в школе-интернате г. Тарко-Сале. И таких детей в нем немало, о чем нам сообщили педагоги интерната, преподаватели селькупского языка, с которыми мы беседовали в стенах школы. Пока дети живут и учатся в старом здании, но уже почти достроено новое современное здание интерната — в два раза больше старого. Нужно отметить, что за время наших поездок по району мы ни разу не зафиксировали негативного отношения коренных северян к обучению их детей в интернатах, с отрывом от семьи.

В Тарко-Сале есть два музея — Краеведческий музей и Музей селькупской культуры при Центре детского туризма и краеведения, которые имеют неплохие коллекции этнографических предметов (однако в обоих музеях система учета и атрибуции экспонатов, мягко сказать, оставляет желать лучшего). Музей и Центр национальных культур, в котором нас принимали, по своему назначению занимаются сохранением культурного наследия коренных народов Севера в исторической памяти, трансляцией облика уходящей традиционной культуры будущим поколениям, но они не сохраняют живую культуру, это не их функция. Живая традиционная культура может сохраняться лишь в родной среде — в лесу, тундре, на угодьях, в чумах и избушках, самими рыбаками, охотниками и оленеводами, а не в городе, где существует своя, подавляющая все остальные, городская культура. Таким образом, можно констатировать, что селькупы г. Тарко-Сале, навсегда оставившие традиционный образ жизни, оторвались от своих корней. Явление это не плохое и не хорошее, а естественное и закономерное и тоже достойное изучения. У таркосалинских селькупов мы записали бытовые и биографические рассказы, другие фольклорные тексты, обряды, сведения о детских играх.

Также в Тарко-Сале нами были осмотрены три старых кладбища и проведен опрос информантов по теме традиционного погребального обряда селькупов и лесных ненцев. На кладбищах были зафиксированы два десятка селькупских могил традиционного типа (с надмогильными домиками и крестами антропоморфной формы), а также несколько десятков традиционных захоронений лесных ненцев.

В ходе экспедиции нами был совершен двухдневный выезд на стойбище Хадутей. От Тарко-Сале мы два часа ехали на машине до фактории Карнат, осмотрев которую, также около двух часов на лодке добирались по рекам Айвасада и Хадутей до фактории Хадутей, что расположена рядом со стойбищем.

Семья лесных ненцев, проживающая на стойбище, носит селькупскую фамилию Агичевы. Глава семьи (ныне покойный), селькуп, вместе с родителями в юности переехал в заселенный лесными ненцами район, выучил ненецкий язык, женился на ненке. В его семье выросли пятеро детей, которые тоже вступили в брак с ненцами. Сегодня на стойбище проживает Лилия Кантлевна Агичева, 1959 г.р., с тремя сыновьями, двумя невестками и восемью внуками (в том числе внуками от двух дочерей, живущих со своими мужьями в поселках). Семья занимает два просторных чума. На стойбище поставлены еще третий и четвертый чумы, один из которых гостевой, а в другом устроен кочевой детский сад. О нем нужно сказать подробнее.

Хозяйка садика (с названием «Колокольчик») — Лилия Кантлевна, подопечные дети — ее внуки. Идея кочевого детсада родилась в Управлении культуры администрации Пуровского района, оно же его и финансирует. Садик оснащен всем необходимым, в нем есть печка-буржуйка, парты и стулья,

шкафчики для каждого ребенка с предметами гигиены, пособия для занятий, панельный телевизор с DVD-проигрывателем и детскими фильмами на дисках, на улице стоит детская пластиковая горка. Говорят, Лилию Кантлевну долго уговаривали «взять» садик, она, хранительница народных традиций, нянчилась со своими внуками без всякого садика. Специального образования у нее нет, обучает детей, как ей предложило Управление культуры, тому, что знает и умеет, — жизни в кочевых условиях. На занятиях рассказывает детям об окружающей природе, девочек учит шить.

В Лилии Кантлевне мне видится портрет, собирательный образ идеальной женщины-хозяйки из ненецкого (и селькупского) фольклора. Благодаря ей стойбище Хадутей считается в районе образцово-показательным, районная администрация любит возить сюда своих гостей. Лилия Кантлевна — энергичная, аккуратная, любящая порядок и самодисциплинированная — живет в лесу, в чуме, имеет большую семью, вырастила пятерых детей, нянчит внуков, готовит еду, шьет. Она большая мастерица по части шитья и учит шить невесток. Женщины и дети стойбища встретили нас в осенней национальной одежде (правда, одетой по случаю нашего приезда) из сукна и ровдуги. Позже нам показали всю национальную одежду, что есть в семье, она хранится в нарте, под открытым небом, хорошо укрытая от дождей и солнца. Парки, малицы, сокуи, жилетки, бокари, пимы, шапки, капюшоны — мужские, женские, детские, из сукна, ровдуги, меха оленя, лося, песца, лисицы. Вся одежда сшита вручную (никаких машинок!), богато орнаментирована национальными узорами по образцам традиционных выкроек и узоров, которые хранятся в специальных женских сумках. Сумки эти тоже из меха, орнаментированные. В 2010 г. Лилия Кантлевна была награждена знаком «Мастер декоративно-прикладного искусства и ремесел Ямало-Ненецкого автономного округа», а в 2011 г. стала лауреатом специальной премии губернатора ЯНАО «За успехи в создании, сохранении и пропаганде культурных ценностей коренных малочисленных народов Севера» в номинации «Изобразительное и декоративно-прикладное искусство».

Сегодня таких семей, где есть женщины-мастерицы, которые умеют выделывать шкуры и шить национальную одежду, осталось очень мало, да и олений мех, главный материал для нее, стоит дорого, и большинство не могут себе его позволить. Всю одежду, которую нам показали, мы сфотографировали, также нами были записаны названия всех орнаментов.

По местным представлениям, семья Агичевых — не бедная. Обеспечивают семью — рыбой, мясом, дровами и деньгами — трое взрослых сыновей Лилии Кантлевны. Рыбаки и охотники, они работают на специально оборудованной фактории Хадутей, что находится приблизительно в трех километрах от стойбища, на берегу реки. Фактория закреплена за ОАО «Сельскохозяйственная община Харампуровская», сюда сдается принятая у окрестного населения продукция промыслов.

Братья Агичевы сознательно предпочли лес поселку. Средний сын, Борис, нам говорил, что ему в поселке душно и он там не может спать.

То стойбище, что мы посетили, — летнее, через пару недель Агичевы откочуют на зимнее стойбище, расположенное неподалеку. Четыре их летних чума имеют двуслойное покрытие из брезента и тонкого утеплителя, напоминающего войлок (на один слой покрытия идет 90–120 м ткани). Для зимних чумов у семьи есть покрывки из оленьих шкур. В чумах стоят фабричные печки-буржуйки, есть электричество, подающееся от миниэлектростанции.

В пользовании семьи квадроцикл с прицепом, бураны, лодки, моторы, бензопилы. В избытке на стойбище имеются домашняя покупная утварь и постельные принадлежности. Нам, гостям в количестве 8 человек, на ночь были выданы новые теплые одеяла, некоторые получили подстилки из оленьих шкур. Угощали нас бульоном с вареной лосятиной, называя это блюдо шурпой.

Однако недостаток семьи в этих местах в первую очередь определяется наличием и количеством оленей. У Агичевых олени есть. Содержатся они на полувольном выпасе. Способ содержания оленей у Агичевых селькупский, что определяется наличием на стойбище оленьих сараев, которые летом защищают оленей от комаров (в них разводится дымокур). Для лесных ненцев такие сараи не характерны [Козьмин 2003: 28]. На стойбище присутствуют два крепких бревенчатых сарая (большого и меньшего размера, вероятно, старый и новый). Сараи имеют по два противоположных друг другу входа в торцевых стенках и двускатные крыши. У одного сарая крыша покрыта рубероидом. У другого бревна по скатам крыши уложены так редко, что предполагают покрытие их в сезон тем же рубероидом. Боковые стены агичевских сараев представляют собой бревенчатый каркас, что нетипично для селькупских построек такого типа — обычно их делают глухими из плотно пригнанных бревен. Однако возможно, что в летний сезон Агичевы затягивают этот каркас рубероидом, кусками старого брезента, берестой или мешками из-под сахара. Такое часто практикуется у селькупов, если сарай старый, разваливается и в стенках образуются бреши.

По размеру большого сарая можно приблизительно определить, сколько у Агичевых оленей — не больше сорока, среднестатистическое селькупское стадо. По первому снегу, недели через две, мужчины стойбища отправятся в лес собирать своих оленей (часто с приплодом от дикого оленя). Олени здесь используются главным образом как зимнее транспортное средство, из их шкур, как я уже упоминала, изготавливают традиционные постели, зимние покрывки чумов и шьют одежду. Оленей запрягают в нарты. Летом в хозяйственных нартах хранят продукты, в остальных — зимнюю одежду и зимние покрывки для чумов. В нашем присутствии старший из братьев Агичевых, Михаил, занялся изготовлением новой нарты.

Лилия Кантлевна Агичева — также хранительница устного фольклорного наследия своего народа. Сказки, которые мы записали у Лилии Кантлевны,

ненецкие. Но она знает и широко известные селькупские сказки — «Старик в заячьей парке», «Женщина-лягушка». Интересный факт: Лилия Кантлевна, с ее слов, православная, читает Библию и посещает церковь, когда приезжает в поселки. На наши вопросы о главных ненецких духах она ответила: «На небе Бог, он един, это христианский бог. Под землей? — Дьявол, сатана, как у христиан». На тему погребального обряда она деликатно отказалась разговаривать, сославшись на то, что уже вечер, что мы находимся в чуме и рядом дети.

В ходе экспедиции были также совершены кратковременные рабочие выезды в д. Харампур и г. Новый Уренгой, где были взяты интервью у информантов-селькупов. В Новом Уренгое наша группа посетила этнографическую экспозицию по культуре ненцев в Краеведческом музее.

Нельзя не сказать еще об одной «тематической экскурсии», которую мы совершали попутно с нашим передвижением по дорогам Пуровского района на машине: мы ехали «сквозь добычу нефти и газа». Район настолько густо покрыт буровыми площадками и связанными с ними коммуникациями, что мысли о будущем людей, на протяжении веков ведущих на этой земле традиционный образ жизни, не выходили из головы. Тема отношения коренных жителей к промышленному освоению района и ухудшению экологической ситуации присутствовала во всех наших беседах с информантами — по инициативе последних.

Вследствие того что в Пуровском районе проживают периферийные группы тазовских селькупов, которые неизбежно взаимодействуют с соседними ненцами и хантами, «чистого», «изолированного» этнографического изучения селькупов, которое было целью нашей экспедиции, нам провести не удалось. Что естественно. Вне плана мы смогли собрать этнографический материал по культуре сразу двух народов — селькупов и лесных ненцев, выделяя в них заимствованные элементы и определяя степень заимствования. Проводилось и сравнение фольклорного наследия этих народов, фиксация которого была заявлена главной целью нашей поездки.

Источники

Полевые материалы О.Б. Степановой: экспедиционная поездка 01.09.2012–14.09.2012 в Красноселькупский район Тюменской области // АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. № 2123. 35 л.

Степанова О.Б. Материалы экспедиции в Пуровский район Тюменской области Ямало-Ненецкого автономного округа, состоявшейся в сентябре 2013 г.

Библиография

Козьмин В.А. Оленеводческая культура народов Сибири. СПб., 2003.

Развитие АПК. Муниципальное образование Пуровский район. Официальный сайт: http://www.puradm.ru/catalog/ekonomika_rajona/agropromyshlennyj_kompleks/razvitie_apk

Скалон В.Н. Магнаты Севера // Охотник и рыбак Сибири. 1929. № 2. С. 56–62.

Скалон В.Н. В тундре Верхнего Таза (фактические данные к вопросу о классовом расслоении) // Советский Север. 1930. № 3. С. 9–139.

Степанова О.Б. Современное положение коренных малочисленных народов Севера в Красноселькупском районе ЯНАО // Сибирь на рубеже тысячелетий: традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов: Сб. ст. СПб., 2005. С. 30–66.

Степанова О.Б. Традиционное хозяйство северных селькупов: итоги реанимационных процессов первого десятилетия XXI в. (по материалам полевых исследований 2004–2012 гг.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2013. Вып. 13. С. 6–23.